

— ...выходит, что все меня считают таким уж чудовищем?

— Не надо преувеличивать. Не все... Не таким уж чудовищем...

к/ф «Служебный роман»

Глава 1

Я проснулась оттого, что кто-то присел на край моей кровати. У него светились глаза. Жёлтым, как диоды с температурой накаливания от трёх до пяти тысяч кельвинов. Остальное растворилось во тьме. На мой крик соседи выразительно постучали по батарее.

В комнате, разумеется, никого не было.

Пошла на кухню, выпила воды. Керамическая плитка холодила босые ступни, возвращая в реальность. Но сон был неотличим от яви! Мне снилась спальня, уличные фонари пробивались сквозь занавеску, и кто-то сидел на кровати... Деликатно, на уголочке.

Конечно, он мне тоже снился, убеждала я себя. Легла, укуталась одеялом. Наволочка вкусно пахла морозцем.

Почему чистая наволочка всегда пахнет морозцем?

Додумать эту мысль я не успела: голову уже затопил сонный туман, прямоугольник окна смазлся, веки сомкнулись, и... он появился снова. Только я собралась побить прошлый рекорд громкости, как незнакомец прижал к скрытому мраком рту мохнатый когтистый пальчик и грустно покачал головой.

Я с трудом разлепила губы и прохрипела:

— Вы кто? — почему-то решив обратиться к ночному кошмару на «вы».

— Мне запрещено называть своё имя, сударыня, это — часть моего проклятия, но вы вправе выбрать, какое нравится вам. И я приму его.

Я заметила печаль в огромных, чуть раскосых глазах. И услышала скорбный вздох.

У него был чарующий баритон такого редкого тембра, что захотелось спросить, не исполняет ли он партию Вольфрама фон Эшенбаха в «Тангейзере», а если исполняет, то, может быть, споёт мою любимую «Abendstern»¹.

— Вы позволите называть вас Вольфрамом?

— Вольфрамом? Хм... Никогда не слышал этого имени.

Его голос нужно было записывать, чтобы потом засыпать с диктофоном под подушкой.

— Но не вижу никаких препятствий, — поспешил заверить он. — Зовите, пожалуйста. Только не будете ли вы так добры объяснить, что оно значит?

— Чёрный волк. Цвета ворона, если быть точной.

Он вздохнул ещё более скорбно.

— Вам не нравится?

— Почему же, нравится. А вас как зовут?

Меня зовут Лиза. Всё моё детство прошло под непрерывное «Лиза-подлиза» и «Лиза-зализа». Согласитесь, это слабо вдохновляет. А я мечтала об имени Симона, как у моей любимой актрисы старого кино Симоны Синьоре. Знаю, есть актрисы красивее и талантливее, но сердцу не прикажешь. В нашей семье уже была одна Лиза — моя прабабка, Елизавета Сергеевна, женщина ничем не примечательная, кроме ужасного характера. Слава богу, он мне не передался. Злые люди — несчастные люди. А я очень-очень хотела стать счастливой. С детства. И даже, наверное, ещё раньше. К тому же Елизавета переводится как «Бог мой — клятва», а Симона — «услышанная Богом».

---

¹ «Abendstern» — вечерняя звезда (*нем.*) — ария Вольфрама фон Эшенбаха из оперы Рихарда Вагнера «Тангейзер».

Я не хочу никаких клятв, они опасны, за них спросят, и хочу быть услышанной.

А, возможно, прабабкин характер миновал меня потому, что в душе я всегда была Симоной. Я так ему и представилась, без лишних подробностей.

— Искренне рад знакомству! — Гость поднялся, и моя маленькая спальня ещё уменьшилась, а он оказался совсем рядом: массивный и... на четырёх лапах. Слегка склонённая крупная голова, без сомнения, была волчьей.

По спине пробежал холодок. Неудобно спрашивать едва знакомое чудовище о его видовой принадлежности, как и об упомянутом им проклятии. Вдруг он обидится. И я не стала. Но поинтересовалась целью его визита:

— Извините, пожалуйста, вы пришли специально ко мне или ошиблись адресом?

— Специально к вам, — ответил он, вновь становясь двуногим и присаживаясь на край кровати. Руки он скрестил на груди. — Кстати, я вас не стесняю?

— О, нет. Сидите, если вам удобно. Я бы предложила вон то кресло, но, кажется, оно будет маловато. А у вас ко мне какое-то дело?

— Не знаю точно, но, скорее всего, — да. Меня сюда забрасывает СВС.

— Что забрасывает?

— СВС. Стихийная волшебная сила. Неужели не слышали?

— Никогда.

— Видимо, ваш мир немагический.

— А ваш?

— Мой — магический. Волшебство, остающееся в эфире при произнесении заклинаний, при проклятиях и сотворении артефактов, объединяется в вихри, и они, достигнув определённой концентрации и размеров, становятся СВС. Она обладает подобием разума. Мы не всегда понимаем её логику, но действие волшебной силы лишь

поначалу кажется хаотичным, а в итоге поражает целенаправленностью.

Тяжеловатый академизм его формулировок подкупал. Я вспомнила, что в соннике, лежавшем в книжном шкафу, была строчка: «СИЛА — несёт или уносит — к завершению дел». Как, однако, издалека растут некоторые ноги! Мне никогда не снился такой сон. В моём случае сила, обзаведясь близкой моему родному миру одежкой в виде аббревиатуры, никуда меня не уносила, но принесла волка и чудовище. О завершении дел речи пока не шло.

— Как же разобраться в намерениях вашей волшебной силы?

— Со временем их смысл обнажится, подобно башням дворца, скрытого песками пустыни. Если подует правильный ветер.

Вдруг зазвучало *allegro con brio* из пятой симфонии Бетховена. По словам великого автора, «так судьба стучится в дверь». Совершенно не сообразуясь с размеренным течением нашей беседы, она стучалась всё громче и настойчивее, и я проснулась, даже не успев извиниться перед чудовищем за внезапное исчезновение.

Согласитесь, очень важно, под какую музыку человек готов просыпаться. Моя приятельница Люся Окулова, девушка с внешностью куклы (недорогой, китайской, но куклы) и принципами, на которые, тактично подменив одну букву, намекает её фамилия, просыпается под песню «На лабутенах». Поэтому мы с ней никогда не поймём друг друга.

* * *

«Ну надо же, до чего удивительны бывают сны!» — размышляла я у окна троллейбуса по пути на работу.

— Вид у тебя чересчур довольный, — заявила в обеденный перерыв Света, наша офисная *femme fatale*, критически просвечивая меня не хуже рентгеновского аппарата.

— Светик, а какой вид должен быть у человека за честно заработанным обедом? — встал на мою защиту муж главной, Феня.

— Вчера у неё такого вида не было, — не унималась Света.

— Выспалась. — Я надеялась, что разочаровала её своим ответом.

* * *

Феня, он же Афанасий, в нашей архитектурной студии всегда был оплотом мира и спокойствия. Наверное, именно за это его и полюбила (или просто женила на себе) владелица студии Азарина Полина Романовна, сокращённо Аполинэр¹, по первому образованию — специалист в очень востребованной и популярной области: французская поэзия первой половины двадцатого века. Эфемерность специализации не мешала Аполинэр иметь бульдожью деловую хватку и волю, как у толстовского мистера Роллинга — «крепости молибденовой стали»². Но у мистера Роллинга не было роскошного узла рыжеватых волос, «державного» набоковского бюста и прозрачных русалочьих глаз, которыми она гипнотизировала заказчиков не хуже, чем Каа — жалких бандерлогов. При этом Каа своих откровенно пугал, а Аполинэр своим улыбалась.

Она умела выгрызть совершенно недоступные заказы, выходить победителем в тендерах с участием маститых конкурентов, могла подвигнуть к ремонту граждан, поклявшихся страшной клятвой никогда не связываться со стройкой. А также обладала способностью смотреть на человека в упор немигающим чекистским взглядом.

---

¹ Игра слов: Гийом Аполлинер — французский поэт-авангардист начала XX в.

² А. Н. Толстой, «Гиперболоид инженера Гарина».

— Полина Романовна, сворачивай свою Лубянку, — говорил Феня, мужчина ироничный, но нежный. Он отвечал за архитектурную часть. Аполинэр — за финансовую. По второму образованию она была экономистом, а по третьему — дизайнером. Благодаря её талантам мы никогда не сидели без работы. И без денег.

* * *

— Евгений опять дурит, — включилась в обеденную беседу начальница, предпочитавшая любой разговор свернуть на профессиональные рельсы.

— Господи... Что ещё? — простонал Феня.

— Ему не нравится расположение перегородки между кухней и гостиной.

— Там несущая стена. Если он её тронет, я первый настучу в Мосжилинспекцию. Избить его в подворотне? Сломать руки? Чтобы он не писал тебе вацапы на три экрана.

— Секретарше надиктует.

— Тогда ещё и челюсть.

Евгений был нашим кошмаром последний год. Его первое появление в офисе не предвещало ничего плохого, но мне почему-то стали сниться тревожные сны. Я сообщила о своих предчувствиях Полине, которая внимательно относилась к информации любого рода: ТВ, радио, интернет — так-так, интересно. Бывшая жена, любовница, домработница, няня — ещё лучше. Сны, предчувствия, пророки, белые маги, чёрные маги — всех давайте, всё обсудим.

Она внимательно слушала с неподвижным, но неопасным взглядом.

— Хорошо, Лизок, — сказала она мне тогда, — мы будем предельно аккуратны.

И мы были. Но при параноидальной тяге заказчика менять решения каждые два дня нужно быть не предельно аккуратными, а абсолютно недостижимыми. В географическом смысле.

* * *

— Не переживайте, я всё оплачу, — говорил высокий кудрявый блондин в очень дорогом костюме, с очень дорогими часами, вальяжно развалился на нашем кожаном диване. И не платил.

От его румяного пухлого лица, в котором было что-то лисье, и тонких капризных пальцев сводило скулы. И не потому, что я не выношу пухлых лиц и тонких пальцев. Не потому. Единственное, чего я добилась от главной, — не задействовать меня в его проекте. Никоим образом. На архитектуру бросили Феню. На декор — Свету. Инженерку поручили Саше Тихонову. Через месяц Света пила горстями успокоительное, а Феня с Сашей, скрываясь от Аполинэр, — коньячок из фляжки (Феня при этом кричал, а Саша морщился). И все тихо матерились.

Обычно Евгений являлся без звонка и с охраной точно к концу рабочего дня, скользкой улыбкой встречая в дверях сотрудников, потянувшихся было в сторону дома, и излагал идеи. Одну безумнее другой.

— А давайте поменяем ванную комнату с кабинетом.

— Это невозможно, нельзя выносить мокрую зону в жилую.

— Вы начертите, я посмотрю. И гардеробная спальни мне не нравится. Без окна. А при искусственном освещении одеваться... — он морщил острый носик.

— Тогда за счёт кабинета. В нём два окна.

— Э-э! — хитрый прищур. — Кабинет должен быть светлым!

— Откуда ж я возьму дополнительное окно?

— Подумайте. Я же вам деньги плачу, — ухмылка. — А что, если в гостиной поставить камин?

— Биокамин.

— Нет, я хочу нормальный. С дровами.

— Пожарники не разрешат.

— Вы рассчитайте, начертите, я побеседую с кем надо, разрешат. Представляете, за окном метель, а ты сидишь с бокальчиком... Искорки летят...

Он уже напоминал лисичку, подобравшуюся к курятнику, и шаловливо делал лапкой, чтобы мы поняли, как летят искорки.

Феня шёл курить, некурящий Саша — за ним.

— Нет, я убью его, — кипятился Феня. И это уже звучало не пустой угрозой. — Прямо сейчас.

— Успокойся. Сам окочурится.

— Когда?!

Но, как ни странно, политый кровью нашего коллектива, обмотанный нервами прораба и плотно упакованный в проклятия работяг, ремонт квартиры Евгения подходил к концу. В неё завезли красивый паркет и сантехнику, полумёртвые малярши доводили стены до зеркальной гладкости, готовя к обоям в нежный цветочек («Спальня!» — лукаво улыбался Евгений, показывая жилище друзьям) и в пастельную полоску («Кабинет, место уединения и размышлений! Ха-ха-ха...» — «Чтоб ты сдох...» — тихо шипели малярши).

— Я обнаружил, что проём в стене кухни на полметра короче запланированного, — обиженно сказал Евгений, по обыкновению нагрывнув в офис в полдевятого вечера.

— Это всё, что утвердил архитектор дома, — с ледяным спокойствием ответил Тихонов.

— Но меня это не устраивает, — лисичка зло сверкнула глазами.

— Увы, каждый сантиметр свыше — нарушение закона.

— Значит, нужно было подумать ещё.

— О чём?

— Как выйти из создавшейся ситуации.

— Самое лучшее — не входить в неё.

Лисичка опасно покраснела, сжала губки и раздула ноздри.

— Вы мне хамите?

А дальше случилось нечто невообразимое.

Тихонов длинным изящным движением взял свою чашку кофе с журнального стола, невозмутимо положил одну ногу на другую, откинулся на мягкую спинку дивана и начал с удовольствием пить, глядя на Евгения в упор.

Лисичка превратилась в ошпаренную курицу. Причём ошпаренную живём.

— Да что вы себе позволяете?! — кричал Евгений.

Тихонов молчал.

— Я тебя уволю, дерьмо! Дворником не возьмут! — Заказчик подскочил на месте.

Саша поставил чашку, встал и с видом человека, не интересующегося вопросами трудоустройства, пошёл к выходу.

— Я с тобой разговариваю! Эй, куда намылился?

— Домой. Рабочий день закончился два часа назад, — сообщил Саша в дверях. — Вы тут остаётесь?

Евгений бросился прочь, оглашая помещение яростной бранью.

Феня почесал макушку и голосом главного героя мультика «Ёжик в тумане» произнёс:

— Псих.

Самое интересное, что никаких последствий выступления Тихонова не имело.

* * *

Во второй раз мой ночной гость из магического мира явился через пару дней. Я стояла на балконе и любовалась звёздным небом. Наяву оно было затянуто толстой пеленой туч, а во сне сияло бриллиантами, высыпанными на чёрную бархатную бумагу. Под стать небу был и ветер —

тёплый и влажный, с ароматом сладких цветов, будто долетел до нас из далёких краёв, оставив в тоске безутешное море.

— Доброй ночи, сударыня, — двуногое чудовище галантно поклонилось.

Теперь я рассмотрела его получше: покрытое шерстью лицо напоминало волчью морду, как и в четвероногой ипостаси. У чудовищ лицо или морда?

— Здравствуйте, Вольфрам. Как вы поживаете?

— Здравствуйте, Симона. Спасибо, неплохо. А вы?

Я поругалась с прорабом, он обозвал меня недоделанной идиоткой и получил: «От идиота слышу!», забыла вовремя заплатить штраф за нарушение ПДД, и тот удвоился, как штамм гриппа. На юбку пролился кофе из сломанной кофемашины, и по дороге домой потерялась набойка. Но с Вольфрамом я была изысканной светской дамой, кофе которой подают специальные люди, они же прибывают набойки. Штрафы платят водители. А прорабы... Что-то из древней истории? Рабы? На галерах? Ах, дома строят...

— Красивое небо! — сказал он. — Что это за звезда?

— Оранжевая? Арктур, альфа созвездия Волопаса. А в зените, на ковшик похоже, Большая Медведица. По легенде одной древней цивилизации, верховный бог Зевс воспылал страстью к нимфе Каллисто. Его супруга Гера из ревности превратила Каллисто в медведицу, а Зевс, пожалев её, сделал созвездием. Арктур, в переводе «медвежий страж», — это сын несчастной нимфы. Он обречён вечно охранять мать, рассердившую капризную богиню.

— А внизу, у горизонта?

— Спика из созвездия Девы, она — колосок, который держит богиня плодородия и земледелия Деметра.

— Вы хорошо разбираетесь в астрономии. И в древней истории.

— Моя мама была астрофизиком. Любовь к древней истории — тоже от неё.

— В вашем мире дамы занимаются наукой? Астрофизика — наука о звёздах?

— Да. Совершенно верно.

— О! Я полон восторга. А чему посвящаете себя вы, сударыня?

— Я... строительству.

— Потрясающе!

— А вы, сударь?

— В настоящее время... я, — он вздохнул, — чудовище.

* * *

С утра снова пришлось выдерживать испытующие взгляды коллег: они видели во мне что-то непривычное. Может, отблески звёзд?

Избежать лишних вопросов помогли наушники — под Брамса отлично чертится.

Классическую музыку я привыкла слушать с детства. В первый раз она настигла меня в возрасте четырёх с половиной лет. Я шла с кухни, натягивая колготки и одновременно жуя коржик, и остановилась на льющейся через соседское окно «Pace, pace, mio Dio!»¹, а на «Crudas ventura m'astringe, ahimè, a languir»² застыла, как кролик перед удавом, с надкусанным коржиком в руке. И не могла пошевелиться. До последних страстных и трагичных «Maledizione! Maledizione! Maledizione!»³ Шесть минут я отсутствовала в подлунном мире. Соседям кто-то подарил итальянскую пластинку, глуховатая тётя Наташа включи-

---

¹ «Покоя, дай покоя, Боже!» — перевод с итал. Alexander Kuzmin. Начало арии Леоноры из оперы Дж. Верди «Сила Судьбы».

² «Жестокое страдание томит и угнетает меня».

³ «Проклятие! Проклятие! Проклятие!».